

В О Р О Н Е Ж С К И Й Т Е Л Е Г Р А Ф
1893, 23 апреля, N 45

с.3.

ТЕАТР

В понедельник, 19 апреля, Новочеркасским Товариществом драматических артистов поставлена была комедия Николаева "Особое поручение". Мы уже говорили о прекрасном ансамбле этой труппы...

— Веселый водевиль "Медведь" в исполнении г-жи Волгиной, г.г. Малевского и Леонтьева, прошел не менее удачно.

все, о замѣчательныхъ труженикахъ, не спавшихъ по недѣлямъ, о многочисленныхъ мученикахъ и жертвахъ науки; добро торжествуетъ у него надъ зломъ, слабый всегда побѣждаетъ сильнаго, скромный гордаго, молодой стараго. „Нѣтъ надобности“, говоритъ Николай Степановичъ, „принимать всѣ эти легенды и небылицы за чистую монету; но процѣдите ихъ, и у васъ въ филътрѣ останется то, что нужно: наши хорошія традиции и имена истинныхъ героевъ, признанныхъ всѣми“. Все это говоритъ серьезно умный профессоръ Николай Степановичъ. Очевидно, онъ совсѣмъ не знаетъ университетскихъ швейцаровъ. Было бы гораздо проще и естественнѣе, если бы авторъ отмѣтилъ воспоминанія университетскихъ швейцаровъ о щедрости и скупости профессоровъ, о способахъ ношенія ими пальто и шубъ, объ ихъ зонтикахъ и палкахъ... а то университетскія традиции! Для того, чтобы дорожить университетскими традиціями, разобраться въ нихъ и оцѣнить ихъ по достоинству недостаточно прослужить въ швейцарской много лѣтъ, занимаясь сниманіемъ пальто и просушкой зонтиковъ г.г. профессоровъ. Скучный и умный Николай Степановичъ забылъ, что тутъ нужно немножко столь восхваляемой имъ науки, общаго широкаго образованія и нравственной чуткости. Правда, Николай Степановичъ по специальности медикъ, но неужели медики привилегію храненія университетскихъ преданій оставляютъ швейцарамъ? Къ тому же Николай Степановичъ состоитъ „членомъ *всѣхъ* (!) русскихъ и трехъ заграничныхъ университетовъ“ — не много для него чести, если о немъ будетъ вспоминать лишь швейцаръ его анатомическаго кабинета.

Значеніе университетскихъ швейцаровъ не ограничивается въ „Скучной исторіи“ храненіемъ университетскихъ преданій. „Въ нашемъ обществѣ, продолжаетъ — Николай Степановичъ, всѣ свѣдѣнія о мірѣ ученыхъ исчерпываются анекдотами о необыкновенной разсѣянности старыхъ профессоровъ и двумя-тремя остротами, которыя приписываются то Груберу, то мнѣ, то Бабухину. Для образованнаго общества этого мало. Если бы оно любило науку, ученыхъ и студентовъ такъ, какъ Николай (имя швейцара), то его литература давно бы уже имѣла цѣлыя эпопеи „сказанія и житія, казней, къ сожалѣнію, она не имѣетъ теперь“. Здѣсь швей-

царь уже является поучительнымъ образцомъ для всего общества, при чемъ заслуженный профессоръ Николай Степановичъ упустилъ изъ виду, что въ обществѣ есть люди съ университетскимъ образованіемъ, которые ознакомились съ наукой и людьми науки не въ передней университета.

Далѣе, швейцару Николаю, по словамъ все того же умнаго профессора, „извѣстно все, что происходитъ на четырехъ факультетахъ, въ канцеляріи, въ кабинетѣ ректора, въ библіотекѣ“ „благодаря короткому знакомству со всѣми университетскими швейцарами и сторожами“. Далѣе оказывается, что швейцаръ Николай входитъ въ разныя подробности о кандидатахъ на вакантную ректуру, подробностей „фантастическихъ“; но при этомъ Николай Степановичъ оговариваетъ: „если исключить эти подробности, то въ общемъ онъ почти всегда оказывается правымъ. Характеристики, дѣлаемые имъ каждому изъ кандидатовъ, своеобразны, но тоже вѣрны“. Привожу эти панегирики швейцару для характеристики ума и пониманія Николая Степановича. При такой оцѣнкѣ швейцарскихъ способностей остается только непонятнымъ, почему самъ Николай Степановичъ не уступить ему своей кафедры, и если тутъ мѣшаетъ отсутствіе специальной подготовки, то почему не избрать его въ ректоры: все знаетъ, любить людей науки, разсуждаетъ своеобразно, но вѣрно, прекрасныя условія для кандидатуры швейцара Николая въ ректоры, тѣмъ болѣе, что, какъ далѣе оказывается, швейцаръ Николай знаетъ, въ какомъ году кто защищалъ диссертацию, поступилъ на службу, вышелъ въ отставку или умеръ — да это былъ бы ректоръ съ цѣлой готовой канцеляріей въ головѣ. Очевидно, что и швейцаръ Николай не такой хранитель университетскихъ преданій, какъ обрисовалъ его Николай Степановичъ, да и самъ Николай Степановичъ, послѣ такой характеристики своего „сослуживца, сверстника и тезки“, не можетъ претендовать на званіе умнаго и толковаго человѣка, признающаго *modus in rebus*.

Встрѣчается не мало и другихъ погрѣшностей въ обрисовкѣ Николая Степановича. Такъ, входя въ аудиторію, наполненную студентами, Николай Степановичъ не знаетъ какъ будетъ читать, съ чего начать и чѣмъ кончить, но затѣмъ „фразы длинной вереницей вылетаютъ изъ его души

и пошла писать губернія". Получается въ сущности болтовня, „литературная“ рѣчь, „красивая“ фраза, что, можетъ быть совсѣмъ не нужно для возбужденія вниманія многочисленной аудиторіи, гдѣ, на ряду съ серіозно мыслящими молодыми людьми, могутъ оказаться равнодушные, уставшіе, съ головой тяжелой послѣ безпокойно проведенной товарищеской вечеринки. И гдѣ же происходитъ это литературное упражненіе? Въ аудиторіи (вѣроятно при анатомическомъ театрѣ) надъ трупомъ. Чеховъ, постоянно прибѣгающій къ „литературной“ рѣчи и къ „красивой“ фразѣ, снабдилъ нектати краснорѣчіемъ и своего литературнаго манекена.

На меня непріятное впечатлѣніе производитъ та страничка въ рассказѣ Чехова, набросанная смѣло и художественно, гдѣ съ отѣнкомъ презрѣнія обрисованъ „ломовой конь“, или „ученый“ тупица — трудолюбивый и скромный прозекторъ Николая Степановича. Здѣсь сквозитъ грубая насмѣшка надъ той же наукой, которой — воскурятся оиміамы на другихъ страницахъ „Скучной исторіи“. Зачѣмъ требовать отъ „ломового коня“ „сомнѣній и разочарованій“, когда онъ вполне честно и добросовѣстно работалъ въ лабораторіи и глубоко убѣжденъ, что лучшая наука — медицина, когда, по предположенію самого Николая Степановича, этотъ „ломовой конь“ приготовить нѣсколько сотенъ препаратовъ необыкновенной чистоты, напишетъ много сухихъ очень приличныхъ рефератовъ, сдѣлаетъ съ десятокъ добросовѣстныхъ переводовъ, но пороха не выдумаетъ... Не-хорошій, право, человекъ этотъ Николай Степановичъ, и не умный и не добрый, когда онъ прилагаетъ къ ближайшему своему сотруднику такую несправедливую мѣрку. Вѣдь и порохъ выдумали такіе труженики — алхимики, какъ прозекторъ Николай Степановичъ. Затѣмъ, неужели для cadaго ученаго обязательны міровыя открытія? И гдѣ въ „Скучной исторіи“ доказательства, что Н. С. выдумалъ на своемъ 62-лѣтнемъ вѣку что-нибудь въ родѣ пороха? Ихъ нѣтъ, и упоминаемые въ началѣ рассказа чины и ордена, русскіе даже иностранные, ничего не говорятъ объ его научныхъ трудахъ и открытіяхъ. Можетъ быть и самая знаменитость Николая Степановича создана тѣми ломовыми конями, которые работали въ его лабораторіи. Черной работы не видно, и ею пользуются не всегда тѣ, которые

ее не производили. На мой взгляд Н. С. человекъ недалекий, мелкій, несправедливый одинаково равнодушный и къ наукѣ и къ своей семьѣ, дѣйствительно, скучный, и весь разсказъ о немъ былъ бы очень скучнымъ, еслибъ Чеховъ не разукрасилъ его красивыми литературными картинками, среди которыхъ есть и очень привлекательныя, напр. о враждѣ между женщинами — женой Ник. Степановича и Катей.

И къ этому безцвѣтному и скучному герою въ концѣ его жизни обращается одна молодая женщина съ вопросомъ: что дѣлать? Сначала ей дается простой отвѣтъ: — выйти замужъ а при настойчивомъ повтореніи вопроса Ник. Степ. отвѣчаетъ: „не знаю“. Ничего фатовского въ этомъ „не знаю“ — нѣтъ и быть не можетъ. У Чехова выходитъ, что нашъ ученый въ концѣ своей жизни при всей своей „наукѣ“ и „знаменитости“ не могъ дать подходящаго совѣта страдающей молодой женщинѣ, брошенной любовникомъ, потерявшей ребенка, какъ ей быть, что ей дѣлать, чѣмъ наполнить пустоту своей жизни. И тутъ обнаруживается поверхностный взглядъ на науку и людей науки. Очень жаль, что выдающійся современный писатель въ художественную форму литературнаго разсказа облакаетъ такое требованіе, которое не поддается научному удовлетворенію, и ставитъ вопросъ, на который ни одинъ анатомическій театръ ни одинъ тайный совѣтникъ не можетъ дать отвѣта. Было время, когда писали цѣлые романы на тему. „Что дѣлать?“ при чемъ прописывались рецепты для жизни во всемъ ея безконечномъ разнообразіи. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, а на берегахъ Невы все продолжаютъ требовать скорыхъ общихъ и вполне понятныхъ отвѣтовъ на вопросъ: „что дѣлать?“ но сами писатели при этомъ прямо не отвѣчаютъ на него. Они бросаютъ вопросъ въ какое-то неопредѣленное пространство. Я однако сильно сомнѣваюсь, чтобы нашлись такіе мудрецы, которые по совѣсти взяли бы отвѣтить на этотъ вопросъ, главное, чтобы отвѣты — а отвѣтовъ можетъ быть безконечное множество — были приняты вопрошающими, по крайней мѣрѣ, къ свѣдѣнію, не говорю къ исполненію. Каждому по необходимости самому приходится давать себѣ отвѣтъ на такой вопросъ, сообразно съ своимъ умственнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ

цензомъ. Обращаться же къ другимъ съ вопросомъ: „что дѣлать“? малодушно, неразумно и, главное, бесполезно. Ни одинъ отвѣтъ не уляжется въ субъективныя рамки вопроса. Жизнь человѣка слагается изъ тысячи мелочей, и разобратъ въ нихъ весьма трудно; всегда можно взять не тотъ аккордъ, не ту нитку и запутать свою собственную жизнь, при отличномъ знаніи ея въ мелочахъ. Кто же возьметъ на себя смѣлость давать еще другимъ совѣты? Молодая женщина, бывшая актриса, любившая, страдавшая, на томъ только основаніи, что Николай Степановичъ читаетъ лекціи по медицинѣ и считается „знаменитостію“, подноситъ ему запутанный клубокъ своей жизни и требуетъ, чтобы онъ его распуталъ сейчасъ немедленно, а между тѣмъ изъ клубка тамъ и сямъ уже торчатъ оборванные нити, виднѣются узлы, утонченія, готовые разорваться при первомъ прикосновеніи, вездѣ и во всемъ путаница. При чемъ тутъ спрашивается наука? и зачѣмъ было утруждать больного Николая Степановича мучительнымъ неразрѣшимымъ вопросомъ изъ тяжелой — житейской драмы? Находятся же люди въ родѣ этой молодой женщины, которые думаютъ, что ученые, знаменитые „изъ тайныхъ совѣтниковъ“ носятъ въ карманѣ готовые отвѣты на общіе вопросы о жизни счастья.

Нужно сказать, что ни беллетристика ни сцена не даютъ типа ученыхъ людей; русскіе ученые, изъ среды которыхъ вышло столько знаменитыхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, въ литературномъ воспроизведеніи являются обыкновенно въ роли какихъ-то шаблонныхъ педантовъ, почему-то всегда патлатыхъ, въ очкахъ, съ выговоромъ въ носъ, и нараспѣвъ. У Чехова нѣтъ такой грубой и пошлой карикатуры, но есть кое-какіе остатки отъ нея въ лицѣ „ломового коня“ прозектора и въ лицѣ филолога „не безъ странностей“, „не безопасныхъ для его знакомыхъ“. Дѣйствительная жизнь въ этомъ отношеніи даетъ гораздо болѣе высокіе и чистые типы, которые и сравнивать нельзя съ литературными манекенами. Кто хочетъ познакомиться съ русскимъ ученымъ безъ литературной подкраски и тенденціознаго освѣщенія — пусть обратится къ существующимъ въ печати статьямъ о князѣ З. О. Вяземскомъ, къ „Дневнику“ Никитенка, къ воспоминаніямъ объ А. А. Потебнѣ. Прпр. А. А. Сумцовъ.